

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СТОПРОЦЕНТНАЯ СВАДЬБА

Валерия Верстовская

Валерия Романовна Верстовская

Стопроцентная свадьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67221266

SelfPub; 2022

Аннотация

Откуда знать историю человека, которого ты видишь в первый раз за столом? Вот он улыбается, пьет, веселится, танцует, а две недели назад положил в гроб мать. Так и главная героиня не знала на что шла, но уже сделала первый шаг. Роман, содержащий в себе эпичность, развивающийся характер и жизнь героев заставляет задумываться о бытовых ценностях. Россия – вот основа всему. Россия разносторонняя, малоимущая, скудная, где дети бросают наркотики, а взрослые учатся жить.

Содержит нецензурную брань.

Валерия Верстовская

Стопроцентная свадьба

– Алло, да, здравствуйте, я звонила вам на прошлой неделе, помните? Да-да по поводу дизайна свадебных открыток, знаете, я все-таки выбрала те, самые первые, с розовой каймой. Когда можно приехать обсудить детально? В среду, агаа..., все, прибуду с мужем ровно в 6! До встречи!

Стою на кухне. Новой кухне. Не маминой. Здесь больше не пахнет родительским домом. Это будет родительский дом, но не для меня, где кухня-теперь моя.

Звонок в дверь, мысли разлетаются по углам. В голове: “Вернулся, родной”. Спрыгиваю со стула и бегу открывать дверь. Смотрю в глазок и не верю. Она действительно приехала???

Заходит. Детски смотрит на меня, с такой же душевной добротой, как глядел на нас отец, когда мы прибежали к нему жаловаться на Сережу-хулигана из соседнего дома или попрошайничали побольше карманных денег. Дааа, у нее был его характер. Меня иногда так удивляло-как, такой светлый, лучезарный человечек может найти себе место в этом опошленном мире. Сколько помню себя, всегда старалась защи-

тить ее от жестокости, грязи и всего дурного. Я смотрела на жизнь другими глазами, а если быть точнее взглядом мамы. Она всегда была суровой, требовательной и серьезной. Я не понимала, как такие две разные личности смогли создать семью. Проливная гроза с накатывающим громом и одиноко растущий цветок посреди дороги. Так я видела их союз. *Ее взгляд был сладкий в такую же меру, как и обезумевший.* Иногда я боялась ее, но всегда уважала и смотрела, как на эталон совершенства. Я бы не сказала, что она была хорошим родителем, но женщиной ей удавалось быть отменной. Папа любил ее, как привороженный, такую деспотичную с заразительным смехом. А она в благодарность за его любовь, отдала свою жизнь. Так она считала “по-честному”. Я никогда не думала, что стану ей. *Оказывается, чтобы быть той, на которую шавки лают, стоит пройти многое в жизни. Я прошла.*

– Ну что, как тебе сюрприз? – с улыбкой на лице взвизгнула сестра, с которой я виделась только по видео звонкам последний год

– Не верю своим глазам! Я так ждала тебя!

Посыпались объятия, поцелуи, смех, слезы счастья, которые значили для нас действительно многое. Замечаю странность, чужой запах. Или я забыла его? Не время думать об

этом.

– Проходи, присаживайся, выпьем чаю?

– А может чего покрепче? Уже не маленькие, от мамы можно не прятаться.

Она смеется, достает вино из своей сумки, и я понимаю, что разговор, который я так долго откладывала, сегодня непременно произойдет.

– Да ты с презентом-весело отвечаю я, пока достаю бокалы

– Конечно, так давно не виделись. Сколько же у меня произошло!

Она начала рассказывать про своего нового парня, про папу, по которому я успела соскучиться, про каких-то уличных собак, которых пожалело ее доброе сердце. Я слушала скорее не то, что она мне говорит, а глубже.

– Ты не такая разговорчивая, как обычно, что случилось?

Она видит меня насквозь. Мы садимся за стол, я разливаю вино. Опять сидим на кухне. Опять не на маминой. Уже на

моей.

- Да у меня, знаешь, все хорошо, учусь-работаю. Никаких изменений

- А с Русей как? Ругаетесь и миритесь?

- А, даа, хотела тебе сказать позже, но думаю сейчас самое время. Мы женимся

Сестра поперхнулась. Я ждала удивления и получила его

- ЧТО ТЫ СКАЗАЛА? ПОЧЕМУ МОЛЧАЛА? КАК ТАК ВЫШЛО?

Я рассмеялась и почувствовала вину, взявшуюся из ниоткуда внутри себя. Опять я думаю об этом дне. А может стоило поступить иначе? Я сохранила бы частичку себя рядом... Думаю самобичевание всегда сопровождало меня после совершения каик-либо роковых поступков и сейчас не обошлось без него. Я до сих пор не отошла от того, что случилось и хотела поскорее забытья в своей новой жизни (к которой следовало еще привыкнуть).

- Суматоха сводит с ума, знаешь. Кругом дела, верчусь, кручусь. Хотела прислать тебе приглашение на стопроцент-

ную свадьбу

Я улыбнулась, она тоже. Мы понимали, что я имею в виду. Каждый мой непосредственный “жених” делал мне предложение, а потом убегал, как дело доходило до серьезных проблем. Будучи в отношениях со своим последним парнем, на английский лад “сгу-boy”, на русский-чудак обыкновенный, особо не возлагая на него надежд после очередного “Я буду любить тебя вечно” ушла сама, как и обещанное предложение выйти замуж.

– Ты уверена, что это “стоцентная свадьба”? В любом случае, я желаю вам счастья. Я безумно рада, расскажи, как это все было

Уверена ли я? Да, я уверена. В этот раз на все сто. Но только не это, только не этот рассказ. Тут должна быть история Ромэо и Джульетты, но заканчиваемая счастливым концом, а не пародия на “околофутбола”. Я сейчас провалюсь сквозь землю, как же не хочу это вспоминать. *Но не нужно вспоминать то, что держится у тебя в голове постоянно.* Улица. Толпа. Осужденные взгляды. И я, такая маленькая, беззащитная. В белом. Будто уже готовая идти под венец.

В тот день я шла туда по другому поводу. На мой телефон

пришло странное сообщение из прошлого “Прошу, будь на Ангарской в 16.00. Последняя просьба. Больше ты меня не услышишь.” Мимолетный испуг. “Он что, на свободе?”. Та пробежавшая дрожь, затрагивающая каждый волосок тела, знакома всем, это ни с чем не сравнимое ощущение, когда приходит неожиданное напоминание о прошлом, еще не забытом, но уже таком далеком. Я никому ничего не сказала. Пошла одна. В белом.

Это был мой любимый цвет. Цвет чистоты, осознанности, он ассоциировался у меня с каким-то началом новой жизни. На мне казался взрослым и солидным. Одеваясь, посмотрела на себя в зеркало “В белом, как невеста” улыбнувшись произнесла тихо, себе под нос, накинула куртку, так... правый карман...ага..., собираюсь дальше.

Я знала, что Русе это не понравится. Он любил решать мои проблемы. Даже пытался как-то подстроиться под себя. У него плохо получалось это, но несмотря на все его мелкие попытки приручить меня, он был хорошим человеком и пытался делать все мне во благо, чтобы я “довольная” была, как он любил говорить.

Но я-то знаю, что я сама могу решить свои проблемы. Да я даже за проблемы это свое “прошлое” не считаю. Так, неурядицы, которые сама улажу, но если отдать это дело в руки

Русе, то эти самые неурядицы станут настоящими проблемами, поэтому выбираю все решить сама. Именно таким логическим мышлением я руководствовалась в тот момент.

15.40. Иду в знакомых мне дворах. Помню каждое дерево, камень, подъезд. Хочу забыть, но уже так не тяготит. Мысли опять съедают меня. Что он сделал на этот раз, что приготовить на ужин, кого я увижу на Ангарской, какой фильм мы с Русей будем смотреть сегодня и чем он закончится. В голове каша. Незаметно для себя пришла на место встречи. Оглядываюсь. Никого нет. Жду пять, десять, пятнадцать минут. “Опять отхода” промелькнула в голове мысль. Так даже лучше. С облегчением вздохнула, разворачиваюсь и собираюсь уходить.

Тот, к кому я шла было омерзительным существом. “Оно” ему имя. Не могу назвать его человеком или животным. “Существо разумное. Жесткое. Безнравственное”.

“Оно” оказалось в моей жизни по чистой случайности.

Будучи подростком, я часто бродила по улицам нашего района, среди темных, безграмотно страшных парней и продажных мил. Я всегда удивлялась этому огромному количеству не мыслящих, не любящих, наценивших себя лю-

дей. Помню, примером, настоящей деградации послужил мне случай с одной милой. Она была дитя, светлое такое, с чистым лицом и небесно-голубыми глазами. Зима была, холод. Стоит на остановке, автобус ждет. Училась она на вид в классе четвертом. Ростом была небольшая, за то крупная, краснощекая, русская. Таким детям, на Руси надо было родиться, а не в опошленной России. Они-олицетворение богатой, сильной земли. Гордость переполняла меня, когда я видела таких ярких представителей нашей нации. Любова-лась стояла. А девчущке, пушистыми хлопьями, снежинки на ее вздернутый, маленький носик падают, а она сдувает их. Сдувала, сдувала, сдувала. Да так забавно это выглядело. Улыбаться хотелось. Потом надоело ей, наверное, сдувать. Достает из карманчика дедовскую Яву, которая больше ее лица в два раза, спичечный коробочек. Раз, два, искорка. Вздох. Курит. Да так зрело, как будто с сигаретой родилась. Снежинки сразу давай таять. Возле ее вздернутого носика. Может, если бы и не они. Она бы не курила?

Я ненавидела мил, которыми кишел мой район и их страшных +1? Из-за этого плюс один мы с “оно” и познакомились однажды.

Я стояла у подъезда, ждала доставку каких-то вещей на зиму. Проходит десять, пятнадцать, двадцать минут. Сажусь на скамью, уткнувшись в телефон, тут ко мне подваливает-

ся чей-то пьяный, грязный плюс один! Вскокиваю с лавочки и слышу его протяяяжное “Девушкааа а давайте познако- мимсяяя, аа??”. Я терпеть не могу пьяных плюс один. Этот еще пытался связать пару слов и выдавить их из себя, но получилось выдавить лишь то, что онпил и ел последние пару часов. Собираюсь уйти от этого. Черт. Телефон. Шарю по карманам. “Не это ищиееешь красотка?” – подало голос это животное держа в руках мой мобильник. “Черт, мне даже трогать его противно, но придется как-то забрать”. Подхожу к нему, пытаюсь выдернуть телефон из его руки. Неожиданно для меня, эта пьянь начала играть со мной и посмела тронуть, да так, что я чуть не упала. Она встало. Тут я поняла, что это было двухметровое отродье, которое улыбаясь и бормоча себе что-то под нос идет прямо на меня. “Вот черт” думаю я и рыскаю по куртке в поиске ножа, который лежит у меня всегда в правом кармане для применения самообороны.

Не нахожу даже ничего острого. Глазами пробегаю вокруг, нет ничего тяжелого. “Что за долбанная пустошь?”. Пока все это происходило в моей голове я пятилась назад, а он подвигался ко мне ближе и ближе. Я, несвойственно мне, закричала и полились слезы. С учетом того, что я не плакала с девяти лет это было пугающей реакцией, которую я не в силах объяснить даже сейчас. -Эй, сир, Вы видно хотите что-либо от этой дамы? И видно что-то нехорошее, раз довели

милу до слез.

Сказал строгий, громкий и завораживающий голос за спиной этой пьяной помойки. В тот момент, мне казалось, что я не слышала ничего слаще и красивее. Построенная речь в моем районе была дивной для меня. Видимо, среди темных мил и их плюс один, есть кто-то еще на этой оплаканной земле. Кто-то здоровый, но чужой.

Диалог животного с новичками не состоялся. Плюс один через несколько минут получил оплеуху и отправился слегка покосившийся к своей миле. Я стояла в шоке, примкнувши к стенке подъезда рассматривая эту тройку. Они были ухоженные, чистые и свежие. От них пахло сладостью, табаком и марихуаной. Какое сочетание может быть лучше?

Один из них подошел ко мне, протянул мобильник

– Это Ваше. Позвольте узнать имя столь прекрасной особы? – будто бы преклонившись, льстился, как мне казалось, самый главный из них.

– Аделина. Можно просто Ада.-забирая свой телефон представилась я

– Ада... я Тадевос, но друзья зовут меня просто, Тад. Вы

здесь живете, Ада?

Несмотря на то, что я казалась существенно младше его он обращался ко мне на “Вы”, что очень удивляло и притягивало.

— Я здесь живу. Я давно живу в этом районе и никогда не видела вас.

Я говорила как-то странно, замешкано, как будто пугливо, запинаясь. Это было непохоже на меня.

Он был существенно выше, и чтобы смотреть ему в глаза мне приходилось приподнимать голову вверх. Заметив мои никчемные попытки увидеть его глаза, он ухмыльнулся и пригнулся. Расстояние между нашими лицами было не большим. Я испугалась этого, но не подала виду.

Обычно, люди не замечают таких деталей, хотя *“главное в мелочах”*, помнишь? Он уже перевернул во мне все, что было. Да так, что я стояла в ступоре

— Вы малы, чтобы видеть таких, как мы. Скажите, не хотите ли Вы начать крепкую дружбу? Вы слишком прекрасны для этой местности.

Я не поняла к чему он сказал последнее предложение. Но как зачарованная слушала его голос и смотрела в эту карию

бездну.

–Мы можем попробовать – с ухмылкой прошептала я

В голове же было “дададада”. Но не вскрикну же я свое “да”. Я как никак девушка. Существо-загадочное.

Тут наш диалог прервала сигналящая машина с большой надписью “доставка” на кузове. Мой собеседник услужливо поклонился мне, сладко пропел “до встречи” и испарился. Я отошла от транса, забрала свои вещи и пошла домой.

Весь вечер я провела в мыслях о нем. Эти глаза не давали мне покоя. В них было что-то завораживающее, такое притягивающее, именно то, чего мне так не хватало, того огонька, которого у меня в глазах не было.

Незаметно для себя я уснула, опять снились кошмары, которые мучали меня всю мою жизнь. Какие-то причудливые монстры вырисовывались в моем детском подсознании, а я шла к ним навстречу. Всегда шла. Наверное, так, у меня образовалась привычка *идти туда, где не особо ждут.*

Проснулась от какого-то шума за окном. Мы жили на первом этаже и какое-то время без решеток, что было безусловно опасно для моего района, но таковы были обстоятельства.

Я боялась смотреть в окно ночью, поэтому всегда занавешивала его шторами, глупо надеясь, что так я в безопасности. Вот, встаю сонная, бреду к этим самым занавескам, раскрываю их и вижу на уличной стороне подоконника огромный букет моих любимых лилий и записка

“Доброе утро, Ада. Хорошего дня. Заеду за Вами в девять, прошу будьте готовы к прекрасному времяпровождению.”

Я удивилась, не верила и что-то странное заколотилось в моем мозгу. *Как будто молоточком били, но приятно били. Еще хотелось.*

Весь мой день проходил в ожидании девяти вечера. Я суежилась, мешкалась, собиралась. Я понимала, как взросло выглядит мой новый друг и хотела быть под стать ему. Первый раз я наредила губы в ярко-алый цвет, взяла тонкие сигареты кисс из маминой сумочки и дала себе обещание быть более улыбочивой и нежной... В 14 лет.

Он забрал меня на черной машине, где сладко пахло табаком, порошками и карамелью. Он показал мне чудесные места, обращался со мной, как с ребенком. Стоило было этому насторожиться, но я летала в другом. В нем.

Так, мы знакомились все ближе и ближе, наше общение

было тесным и странным. Я чувствовала любовь от него, но она была другая. Не такая, как в фильмах или счастливых историях. Не обращая на это внимания, я потихоньку отдала ему свою жизнь. Что потом, послужило мне главной ошибкой.

Спустя три месяца нашего с ним общения Тад кардинально поменялся. Он все еще любил меня, но вместо манившего харизмой мужчины я увидела жестокого тирана. Он сам решил показать мне это. Сам показывал, как калечит других “ради тебя, малышка” – это было его любимое выражение. Калечил он всех. Начиная от тех, кто кинет мне “привет”, заканчивая теми, кто неправильно кинет мне взгляд. Это была какая-то *волчья любовь*. Ненормальная. Страшная. Бесчеловечная. Несмотря на все чувства мы не были парой. Он никогда не прикасался ко мне, изредка обнимал, а лишь говорил. Говорил, говорил, говорил, много и о разном говорил. А я, как дите, сидела смирененько так, ручки сложила. Слушала. Жизни училась.

Переучилась.

Рассказывать о наших с ним отношениях я могу долго и страстно, но без улыбки, а лишь с горьким сожалением утраченного времени.

Он, наверное, руководствуясь правилом “лучше она от меня это узнает, нежели где-нибудь, с кем-нибудь за гаражами” (а лучше бы я узнала о другой, темной, незаконной жизни где-нибудь, с кем-нибудь, но будучи осознанным человеком) показывал мне иную сторону нашей России. Жестокую, бедственно-нравственную, печальную.

В 14 лет я видела, как люди дерутся из-за разного цвета кожи. Как шестнадцатилетняя мила делает оборот в домашних условиях. Как дворовые ребята лет так 18, останавливают какую-нибудь старушку и забирают у нее последние средства на выживание. Как взрослые парни, стадом, прислуживают Таду и выполняют каждую его прихоть. А соответственно и мою. Незаметно для себя, я поняла, что для Тада я стала смыслом жизни. Чем вызвана такая любовь от человека, который бил беременную девушку, оставил свою мать умирать в одиночестве и просидел в тюрьме больше, чем я живу мне было непонятно. Но в тот момент я и не знала этого. Я начинала только узнавать его и почему-то, никогда не боялась.

А главное, я поняла откуда искра в его глазах, которая была оружием против меня в нашу первую встречу. Под которой я стелилась, когда ощущала это сумасшествие. *Это и в прям было безумие карих глаз, которого, так не хватало моим зеленым.*

Я поняла почему он так сладко пах. Почему был притягательно загадочным. Я же всегда шла к монстрам. Помнишь?

Этот раз был не исключением. В нем не было ничего живого и искреннего.

Все его чувства оказались в наркотиках.

Все это безумие, которое я видела был лишь приход от какого-нибудь дерьма типа ускорителей или эйфоретиков. Со всем этим я тоже познакомилась. И все это сделало хорошенький надлом в моей жизни.

Если бы я была очередной милой со своего района, то могла бы хвастаться тем, что перепробовала множество порошковой дряни и делаю отличные, черт,..., в прочем, не важно...

Подсев на эту убийственную сладость я обезумела. *Это грустно признавать, но люди сходят с ума не друг от друга, а от какой-то химической штуки, которая убивает твое сознание.*

Шел день за днем. Я забыла свою прошлую жизнь и себя. Отрезала волосы, накупила кучу косметики. Переобулась. Я росла. Окончательно переехала к Таду. Мы жили довольно счастливо, хоть я до конца не знала его.

Мне нравились чертовы наркотики, на которые я нормально так подседа. Оказалось, что я убивала себя, пока он убивал других. Среднестатистическая семья в этой грязной России, если, конечно, союз ребенка-наркомана и шизофреника с кучей разных психологических травм можно назвать семьей.

Мне нравилось, что я нужна ему своим присутствием, хотя он часто оставлял меня одну.

Неделя за неделей.

Месяц за месяцем.

Прошел год.

Дрянь убивала мой детский организм. Решаюсь бросить.

Только в этой стране четырнадцатилетние дети пытаются избавиться от зависимости.

Первая,

Вторая,

Третья-

неудачные попытки

Я понимаю, что в ловушке.

Тад, в свою очередь особо не волновался по поводу этой дряни. Он обеспечивал меня, слушал мои песни, рассказывал о том, как нам будет с ним хорошо. Он много “лечил” меня словами. Он же так любил говорить.

Главной его слабостью было пропадать. Раньше, я подумала бы, что он работает или ездит к своим близким. У нас всегда было много денег, хотя он никогда не рассказывал откуда они. Он научил меня не заботиться о том, как берутся “бабки”, я должна была заботиться лишь о том, как я потрачу эти “бабки”.

Сейчас я, конечно, понимаю, как он доставал деньги и куда пропадал. Его криминальная жизнь, от которой он так щедро оберегал меня могла съесть его на сутки, трое, недели. Я оставалась одна. С наркотиками лицом к лицу.

После того, как у меня начали выпадать волосы и на весах я увидела отметку 37, я решила, что это последняя стадия. Точка невозврата. Я просила помощи всем телом. “Ну по-

моги же мне. Помоги”-кричали мои некрепкие, ломающиеся кости, крошащиеся зубы и впалые глаза. Тогда, я уже не видела жизни без какой-нибудь таблетки. Я смотрела на себя и не верила, что какая-то штука может так сильно изменить человека. Мое сознание было туманно. Я не имела целей на будущее. “выжить бы”-мой девиз на тот момент.

Я поняла, что действительно теряю свой разум, когда в очередной вечер я сидела на кухне и разговаривала с какой-то милой о пустоте. Я не знала кто она и зачем пришла. Проговорив с ней всю ночь, я проводила ее и заснула. Как мне казалось, на сутки, а на деле прошло два часа. Проснувшись, я пошла на кухню, где опять сидела эта мила. Точнее не сидела, а висела. На стене. Плакатом.

Это была вырезка из журнала, которую я нацепила над столом, как постер.

Я поняла, что схожу с ума.

Мой герой опять пропал. Я принимаю решение, собираю вещи и ухожу. Куда не знаю. В отцовский дом возвращаться нельзя было в таком состоянии. Родители, кстати, не волновались за меня. Их полное доверие ко мне казалось не проявлением заботы, а скорее “пофигизмом”, поэтому я сама себя воспитывала. Сама училась, сама росла, сама жила. Навер-

ное, из-за этого я слишком много “сама”. Решила, что пойду к своему старому знакомому, на время.

Время пролетело быстро.

Я была чужой для себя. На самом деле я прочувствовала еще много ужасов, когда жила с Тадом. Но зачем рассказывать то, с чего *глаза не плакать будут, а кровоточить*.

Пропажу мой ненаглядный заметил только спустя неделю. Мы встретились, я пыталась все объяснить ему. Он, как животное, просто взял меня и понес в свое логово. Туда, где я схожу с ума.

Я ухожу-он возвращает. Так по кругу.

В таком цикле мы прожили еще около полу года.

Мне вот -вот должно было исполниться шестнадцать.

Я не могла понять, что же у меня было к Таду. Наверное, я была зла на него, потому что он был больной человек и сделал из меня такого же, как он. Наверное, я была благодарна ему, потому что он когда-то показал мне, как ведет себя человек, который любит. Его диагноз-маниакальное расстройство личности с признаками шизофрении. Я знала, что нар-

котики свели его с ума. Я знала, что они сведут с ума меня.

За это время я смотрела на себя и не понимала, кто же виноват в том, что я такая. Он-виновник в создании той, кого вижу в зеркале. Зачем он показал мне другую жизнь, зачем создал такую, зачем научил выживать.

Проходит еще полгода Я ухожу. Опять. На этот раз решительно. Собираю все свои вещи. Он бегает по квартире, оставливает меня. Он безумный.

“А что ты мне можешь дать? Порошка?” – это было последнее, что я крикнула ему до того, как захлопнула дверь. Я знала, что это убьет его. Пускай.

И вот я выхожу, с его квартиры. Существенно другая. Два года назад, когда я первый раз пришла сюда у меня было несмышленное мировидение, даже, наверное, счастливое. *Но, здесь мои глаза перестали быть просто органами, а стали библиотекой жизни.*

От него я кое-что забрала себе. Ту искру в глазах, которая поманила меня когда-то. Утащила. Украла. Вложила в свои. Зелено огненные.

Я стала такой же безумной, как и он. Он научил меня

многому, как хорошему, так и плохому. Я могу похвастаться умением крутить “бабочку” и способностью уложить спать годовалого ребенка.

Что за дите и при чем тут я? Все просто, это был ребенок от его бывшей пассии, такой же, как и он наркоманки. Я была с ней плохо знакома, но вот с ее сыном очень даже хорошо.

Мне было 15 лет, уже год прожили вместе и Тад принес его в нашу квартиру. Я сидела убитая своими мыслями в тяжело давившей на меня комнате, когда услышала детский плач и отворяющуюся дверь.

– Это Паша. Он поживет немного с нами. Позаботься о нем.

Сказал и ушел, всучив мне на руки это бедное, кричащее существо. Делать было нечего.

В тот момент, мне казалось, что я тащила на себе все. Жизнь текла мимо меня, а я удрученно смотрела в окно, пока Пашенька играл в погремушки. С каждым днем тяга к нему росла. За то я не одна! У меня есть он. А как мне его называть? Друг по несчастью? Кто он? Мне не стоило долго задумываться над этим, как спустя месяц Паша выдал из себя первое слово, точнее попытки произнести его звуками.

Это было при Таде, мы сидели на кухне. Он опять что-то рассказывал. Я кормила Пашу. В тот момент, кстати, я поняла, что не Тада я люблю, а его плоды. Если это слово не будет считаться обзывательством для моего единственного, оставшегося лучика света.

“За папууу, за мамууу, ам” -Самолетиком залетала ложка невкусной каши.

-Ну, не дразнись, покушай и пойдем гулять – я разговаривала с ним так, как будто он понимает меня и слышит

Тад перебил наш диалог

-Звонила Геля. Ну, его мать. Хочет забрать его себе обратно.

Он сказал это так тихо и спокойно, как будто ему было все равно на моего Пашеньку.

-Не заберет. Смелости не хватит.-спокойно, монотонно произнесла я.

За время проживания в этой страшной, опошленной, другой России я изменилась и научилась жить иначе. Жить по

страшному. *Слишком много я видела, чтобы остаться человеком.*

Молчание. Он понимал, что я привязалась к этому ребенку и считала его своим. Особо не скрывала этого. *Почему я должна отдавать того, в кого вложила себя?*

Мертвую тишину перебили гласные, доносящиеся от Паши, через которые он пытался выразить, что больше не хочет есть эту дрянь.

Я окинула Тада взглядом, да так, чтобы он понял, что решать проблему с этой Гелей ему придется как можно скорее, пока я не добралась до нее.

-МММмммААамммаа

Невнятное, протяжное, странное вытянулось из Паши. Это было его первое слово. Он смотрит на меня. На меня, пятнадцатилетнюю. Меня мамой назвал. Меня. Счастью моему тогда не было предела, а он, хохочет сидит. Кашей плюется.

С того момента этот материнский инстинкт полностью овладел мной. Я не видела жизни без Пашеньки.

Я начала понимать откуда такая дикая любовь взялась у Тада ко мне. В его глазах, я маленькая, беззащитная, хо-рошенькая. Меня хотелось взять и никому не отдавать. Он любил меня отцовской любовью, как дитя, которому хочет-ся дать самое лучшее. Он-больной человек, который нашел “свое” во мне. Вцепился в меня, как безумец, а безумцы, между прочим, только они, это “свое” никому не отдадут. Никогда. Чтобы не случилось.

Я нашла это “свое” в чужом ребенке. То, что я хочу со-хранить, сберечь и вырастить.

Жили мы странно. Я с ребенком. Тад с бабами. Я никогда не ревновала, потому что не считала его “своим”, не чувство-вала той любви, которой любят влюбленные. У меня было к нему что-то семейное. У него ко мне тоже. Мне хватало того, что он обеспечивал нас, поэтому я особо не жаловалась.

Время пробежало быстро. Мне исполнилось шестнадцать, Паше два. Он уже мог ходить и связывать пару слов. Меня называл теплым «Мама».

Все закончилось, когда ненаглядного все же посадили.

По какой статье, не помню, но это должно было случиться рано или поздно. Я сказала ему, что не собираюсь ждать, а

возьму Пашеньку и уеду во Владимир. Мне надоела эта криминальная жизнь, когда господа полицаи не дают моему ребенку поспать своими бесконечными стуками в нашу дверь и звонками с разных телефонных номеров.

Во Владимире у меня были хорошие друзья. Я бы умчалась туда непременно. Устроилась бы на работу, вырастила Пашеньку и вот оно счастье.

В 16 лет мое счастье заключалось не в тусовках, алкоголе и порошковой дряни, а в создании семьи. Грррустно.

И все было бы именно так, как я планировала, если бы не одна маленькая, занозливая мила, не дававшая мне покоя.

Геля. Биологическая мать. Так сложились обстоятельства, в которых она решила, что может разговаривать. Представляете? Личность, не имеющая разумный склад ума, здоровое мышление и обладающая “желтым билетом” по жизни решила, что может разговаривать. Небылицы, да и только. Она посмела явиться и качать свои права за моего Пашеньку.

Ее приход меня даже шокировал. Я была в какой-то мере восхищена ее храбростью. Но не на долго. Мое восхищение умерло там, где началось ее безрассудство. Она начала омерзительно кричать матом, плевать и вытворять стран-

ные, несвойственные женщине вещи. Ох, ей бы на мой район. К остальным “милам”.

Мне надоело. Ее минута славы закончилась. Я так и не поняла на что она надеялась, поэтому два “типа”, стоявшие у моей двери, как охрана, подосланная Тадем, мигом расправились с ней.

Хоть Тад и был тем еще дуралеем, но людей при себе имел. Стадо. Подчиняющееся стадо.

На этом я думала, что все закончилось. Начала собирать вещи. Купила билет на поезд и как это бывает, по трагедии всей жизни, в последний момент вламываются те же самые господа полицаи, которые доставали меня постоянно, в компании этой самой Гели.

Я не понимала почему она жива, но думать сейчас не об этом надо было. Безумная женщина опять орала и выискивала что-то.

Господа полицаи проводили со мной беседу на кухне, точнее со мной и Пашенькой, которого я не выпускала из рук и на секунду. Я слышала, как эта противно-обезумевшая бегала по моей квартире. Господа полицаи говорили тихо и мирно. Я их не слушала. Я была не в этом мире. А в мире таких

же карих, зачарованных отцовских глаз.

Я часто впадала в такие трансы и очнулась я только тогда, когда почувствовала, что уважаемые мной господа полицаи пытаются выхватить моего ребенка.

Мгновенный животный инстинкт овладел мной. “Что это они делают?”

Они разговаривали со мной так тихо-тихо, спокойно, как будто я больная. Я начала вслушиваться в их слова

-Ада, пойми, солнце. Ты слишком мала, чтобы лезть в эту кашу. Ты погрязла в этой рутине, а для твоего возраста свойственно целоваться с мальчиками, пить пиво за углом и прятать сигареты от мамы, а не жить с двадцати трехлетним наркоманом-тираном, воспитывая чужого первенца.

Меня резали его слова. Что он такое говорит. Неужели это так все выглядит. Тад учил меня, что уважаемые господа полицаи всегда врут ради своей выгоды, поэтому я не верила ни одному слову.

Дальше начался такой мерзкий, беспорядочный переполох. Эта мила буквально ворвалась на кухню, начала визжать, кричать, но не подходила близко ко мне. Смелости не

хватало.

Спустя еще десять минут ее воплей, нудных разговоров господ полицаев, мое спокойствие отключилось.

Разговаривать начала я.

То, как мы разговаривали с этой милой лучше не знать, но эти господа полицаи сидели и бездействовали, что настоятельно меня.

Я поняла, что это какой-то устроенный цирк, какая-то ловушка, чтобы обмануть.

Поздно я это поняла, как почувствовала острую боль в руке и что-то теплое разгонялось по моей крови.

Проснулась я уже, естественно не у себя в квартире, а в обезьяннике, где по ту сторону решетки стояли эти же два господина полицаи и напыщенная Гея. С моим. Пашенькой. На руках.

Я не верила своим глазам, как она смогла это сделать. Как же я проглядела это. Слезы, вопли, душераздирающие крики полились сквозь меня, прямо к этим троицам.

Осознание того, что у меня забрали самое дорогое, что было съедало изнутри. Любовь. У меня была любовь. За любовь умирают. Я была готова умереть за любовь.

Эта наркоманка стояла и смотрела на меня, как будто победила. Я не понимала зачем ей мой сын. Она наиграется им, как игрушкой. Почему господа полицаи на ее стороне? У меня было столько вопросов, на которые я была не в состоянии найти ответа.

Тут один из представителей честной, русской власти сказал. Уже не таким тихим и спокойным голосом.

-Твой ненаглядный оставил тебе все состояние и людей, которые нужны нам для нахождения преступной точки выше. Ты должна сказать недомеркам, что передаешь власть Геле. Взамен ты не проведешь остаток своей жизни в психушке.

Мне было все равно на власть, деньги, людей, мне бы только...

-Паша? Как же мой Пашенька?

Эта курица засмеялась, и таким, отвратительным голосом сказала

-Ты про моего сына? Теперь о нем буду заботиться я. Да, я знаю о чем ты думаешь, да, он не особо мне нужен, но этот ребенок очень полезен, для влияния на его папашу и на тебя, как видно, тоже.

-Ты же знаешь на какой компромисс я пойду. Мне ребенка, вам всю подноготную

Тут один господин полицей усмехнулся и таким грязным, жирным голосом сказал

-Не глупи. Ты сама ребенок. При чем больной ребенок. И так же, ребенок, на которого я могу повесить кучу статей. Ребенок, который присядет и выйдет ближе к старости.

Я не верила в то, что происходит. Это был чистой воды шантаж.

-Да как вы смеете, порочные, гнилые...

У меня не было сил кричать, но нужно было действовать, и побыстрее.

Два дня я просидела в этой клетке, в надежде, что меня кто-нибудь вытащит или, что эти три свиньи передумают. Да, напрасно.

Я убивала саму себя собственным молчанием. Просидев еще сутки, два господина полицаи опять пришли ко мне. Я действовала с головой. Говорила все правильно и верно, тем самым мы договорились на то, что я выполняю любые их требования, но взамен, как только все утихнет они отдают мне Пашеньку и забывают про наше существование. Это затянулось бы не на долго. Месяц, не больше. Мы пожали руки.

Я не помню, что чувствовала в тот момент, но мне было очень больно физически и морально, как будто ножом вырезали мое сердце на живую. Так, я чувствовала свое разрушение.

Последняя встреча с Пашей перед всей этой суматохой прошла для меня тяжело. Я как будто оторвала кусок себя. Целовала, целовала, целовала своего ребенка. Обещала, обещала, обещала, что приду за ним, как только смогу, что мы опять будем вместе и уедем далеко-далеко. Поцеловала его в лоб и ушла с обещанием вернуться.

Но ушла как оказалось навсегда.

Господа полицаи сдержали свое слово в какой-то степени. Они выполнили свою часть сделки. А вот мою-нет.

Месяц я бродила чужой. У меня отняли, забрали, отобра-

ли. Я не сердца лишилась, я жизни лишилась.

В назначенный срок вернулась в этот же участок, нашла этих же господ, которые, как ни странно, сделали вид, что меня не знают.

Да, вот так все просто. Можно сделать вид, что не знаешь человека, когда не хочешь разбираться с ним. Гнильцо.

Думаю, понятно было мое состояние, когда меня вышвырнули из этого “белого дома”, передав бумажку. От этой курицы Гели, где красивым таким почерком было написано:

“СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ. ВЕРНЕТСЯ БУМЕРАНГОМ”

Бумерангом возвращаюсь только я.

Я все искала, искала, искала их. Первая половина года моей самостоятельной, одинокой жизни прошла адом. За это время я нажила себе две попытки суицида, передоз и учет. Мне казалось, что моя жизнь кончена. Я смотрела на своих ровесниц и не понимала. Почему, некоторые плачут из-за какого-то смазливового парня, а некоторые, не плачут, даже когда отняли самое дорогое в жизни. Почему жизнь так несправедлива ко мне. Чем я заслужила такое. Видимо, судьба го-

товила для меня славное будущее, ради которого я должна выжить в настоящем.

Осознав, что все мои попытки найти их были бессмысленные я пыталась начать жизнь заново.

Новую жизнь я начала в психиатрической больнице, куда меня положили, после второй попытки суицида. Там, я действительно изменилась. Может, конечно, меня так сильно пичкали лекарствами и разными психологическими беседами, что я начала забывать о том, что я когда-то пережила, но это помогало мне.

Мне объясняли каждую мою травму. Там же диагностировали страшный, длиннющий диагноз, который я даже не запомнила. Я знала, что я больная на голову. Этого было достаточно. Главное, что именно там вылечили мою зависимость от Пашеньки. Взрослые люди доходчиво объясняли мне, что я была ребенком и прочую ерундистику впаривали в мой ослабевший от очередной дозы лекарств мозг.

Я провалялась на койке среди шизофреников, суицидников и прочей дряни около года.

Я не вспоминала Тада, не знаю освободился ли он из тюрьмы. Я покинула и свою жизнь, и его.

Наконец выйдя оттуда, в семнадцать с половиной лет, я, как мне казалось, стала здоровым человеком.

Начала новую жизнь.

Жизнь без наркотиков и без “свое”.

Срок «новой жизни» был три года, не считая отбывания в лечебнице. И жила бы я так дальше, если бы не это сообщение.

Все это, как короткометражный фильм проиграл в моей голове за минуту. Тошнота подступила к горлу и хотелось не то, чтобы плакать, хотелось вопить от осознания всего этого.

Сейчас я другая, это сообщение из прошлого никак не повлияло на мою жизнь. Я ухожу к себе домой, туда, где меня любят, ждут и не оставляют одну. Останавливаюсь на этой счастливой мысли о Русе и разворачиваюсь.

– Мама! Мама!

Ошпарило. Ай.

Это был знакомый, детский голос, до боли, парализующий

сердце. Шепчу себе “только не он, только не он”. К сожалению, наши страхи чаще всего становятся реальностью. И мы не в силах изменить это. Перестать бояться-единственный человеческий выход. А я вот не перестала. Остановилась, шок, меня обнимают маленькие ручки, уже не за колени, а за талию, до куда достают.

В голову ударяются воспоминания и то, от чего меня так долго лечили. Моя прошлая “я”. Она была жестокой и безумной. От нее я так долго избавлялась.

Не хочу смотреть на него. Он чужой, но мой. Я схожу с ума. Нагибаюсь, чтобы снова увидеть эти глаза. “Точно отцовские” – вылетает, как проклятье. Я помню, как пеленала тебя, кормила, не спала сутками, твои попытки ходить. И вот, ты уже умеешь писать и читать.

Я пыталась забыть тебя. Но когда вкладываешь в человека частичку себя, любовь к нему будет жить вечно. Такой взрослый, такой мой, не могу наглядеться на тебя.

На минуту забылась чей еще он сын и к кому я пришла сюда. Присутствие Паши пробило меня на страх. Я не понимала зачем здесь мой ребенок

– Ну что ты, родная, ждала меня?

Холодный голос за спиной. Воспоминания передо мной.

– Что ты тут устроил? Откуда у тебя Паша? Я знаю, многое поменялось за эти четыре года, но я не хочу причинять тебе зло. Я думаю, что, посидев в тюрьме, ты понял в какое животное превратил четырнадцатилетнего ребенка. А если хочешь подействовать на меня через Пашу, то знай. Я ему мать, а не твой звездосчеты.

Мной овладел страх, но не за себя, а за Пашеньку. Я ждала ответной реакции нападения и была готова защищаться.

– Нет, я никак не хочу причинить тебе боль. На этот раз я хочу показать тебе, что ты можешь быть таким же животным, что и я. Мы с тобой одинаковые. А мой сын. Зачем он здесь? Чтобы увидеть, на что его псевдомамочка променяла его.

Он до сих пор не может смириться с тем, что произошло. А что мне оставалось делать? Я была с ним ребенком. Я видела то, что не должна была видеть в таком раннем возрасте. Я захотела нормальной жизни. Жизни без вечных оправданий, погонь, заключенных.

Я осознаю, с кем я стою и на что он способен. Я помню каждое его “наказание” в сторону подчиненных. Он бил, бил,

бил, не останавливаясь калечил. Его безумие в глазах горело, когда он чувствовал власть. Наверное, именно так и выглядит настоящий психопат. И он безусловно бы выиграл нашу войну, если бы я не была воспитана им собственноручно.

Живя с ним, я научилась несколько разбираться в психологии человека, обращаться с ножом, правильно разговаривать и вселять страх в оппонентов. Я держу голову прямо, уверено, жду его первого хода. Думаю, он понимает, что я вооружена его приемами.

Мы стоим друг против друга. Смотрим в глаза. Я не узнаю того теплого и глубокого взгляда. Передо мной что-то другое. Дешевое и грязное. Он стоит, пригнувшись, как в нашу первую встречу. Почему я все это помню?

“Миссссс” -прошипел он, “Ответьте мне, мисс, почему вы не любили меня?”

Этого я точно не ожидала. Он все-таки был слишком умен и только его я не могла предугадать. Я теряюсь. Мешкаюсь. Как тогда.

Отвожу взгляд, нет нет нет. Он победил этот раунд.

Я стою одна. В белом. Но это не начало новой жизни. За

спиной прячу своего ребенка. Он действительно был мой. Я спрячу его от всех.

Я опять выпала из реальности

. Осматриваюсь, уже намного больше людей окружают нас. Это была его толпа. Зачем ему толпа? Пазлы складываются и в моей голове промелькает ужасная мысль “Где Руся”.

Руся.

Мы познакомились с ним три года назад, как только я отбыла срок в психушке.

В каком-то шлаке и грязи. На желтой ветке. Глупо и случайно.

Он был не такой, как другие. Не входил ни в одну касту слоев общества. То он стоит с бутылкой пива и сигаретой у подъезда, то читает мне сказки на ночь. А может он только со мной был таким. Или “нитакусиком”. В шутку бы сказал он.

Я столько много взглядов видела в жизни, и каждый. Каждый, отличался от других. В каждом человеке была своя индивидуальность, которая так яростно притягивала меня. Наверное, Руся, понял это. Он был отличным психологом и

проворожил меня своей научной фигней.

По образованию, он действительно был “Психолог пдн”. Так. Во мне была настоящая проблема ПДН.

“вылечи меня”

Мы начали общаться, встречаться, все, как это бывает обычно. Я сначала не обращала на него серьезного внимания, но раскумаренный разум вел, почему-то, именно к нему.

Он был строг, но верен своим намерениям и знал только одну часть меня. Но хотел больше. Я дала ему возможность быть частью моей жизни.

Он видел меня насквозь, без какой-либо маски. Видел, как я убиваюсь, как не хочу жить, как меня ломает, как я сама ломаюсь. Он стал лучиком солнца на период моего угасания.

Я поняла, что это именно тот, кто изменит мою жизнь к лучшему, когда мы сидели на балконе, я курила пятую сигарету, запивая кофе рассказывала ему о жизни, а он слышал меня. Смотрел так чисто, как будто сидит не с наркоманкой-дистрофичкой, а девушкой мечты. Слышит и выдает:

-Если бы мы встретились раньше, я бы сберег тебя.

У меня внутри что-то съёжилось. Сберег? Я что, поломанная?

-А сейчас, сбережешь?

У меня как будто изломался голос. Тоненьким таким, дрожащим, пропищала. Это, наверное, потому что сердце говорило.

-А сейчас, беречь нечего. Всю разобрали. Сначала соберу, а потом сберегу.

Он говорил на столько уверенно, что мне казалось, что он уже имел четкий план насчет меня и не хватало небольшого толчка, чтобы начать воплощать его.

В тот момент я смотрела в его глаза. Там была любовь. Ко мне любовь. Моя любовь. Я ее не отдам.

Шло время, я уже называю Русю “родным”. Готовлю нам ужин и перестала следить за своими “днями трезвости”. Я забыла про существование порошков, дряни, каких-то районных мил и их плюс один. Я рада, что восстанавливаюсь.

Отдаться ему было поистине хорошим решением. С ним я чувствовала себя в безопасности, статус “вместе” внушал мне какую-то радость, доверие и уверенность.

Я отдавала все, что у меня было. Начиная от каких-то подарков. Глупых, но от сердца. заканчивая блядскими истериками из-за ничего. А ему нравилось. Он все принимал. Он все забирал. Он меня забрал. Он тоже большой значит.

Так мы прожили три года. Он знал меня всю. *То состояние, которое мы получали друг от друга было лучше, чем экстази блин*

За три года у меня не появилась мысль уйти, у него тоже. Он вылечил меня, а я дала ему свою жизнь. Как благодарность за любовь. Думаю, это было “по-честному”.

И в тот момент я была готова молиться, чтобы он не додумался найти Русю. Я точно знаю, что любые действия с ним заставят меня потеряться и вновь вернется та безбашенная, оторванная, не видящая краев. Опять страх. Нет, нет, нет. Опять. Страх равноценен реальности. Почему я никогда не боялась за себя?...

Он подходит ближе, понимаю, что уже собралась толпа.

Его толпа, все подстроено. Пазл складывается в моей голове, это все цирк.

Оглядываюсь, я стою в кругу, рядом Пашенька. Плачет и боится.

– Ну что, ты все еще хочешь забыть меня?

О чем он говорит, зачем я вообще пошла на эту Ангарскую. Не было времени жалеть, нужно было отстаивать себя.

– Я давно тебя не вспоминаю. У меня другая, новая жизнь. А ты, был лишь ошибкой в ней.

Он отходит, улыбается. Да, этого он и добивался. Он хотел моих громких слов. Он хотел, чтобы наш конфликт начала именно я, чтобы сделать второй ход.

Слышу гул в толпе. Нет... Страхи... Страхи... Мои страхи сбываются. Под руки выводят моего Русю. Держат с разных сторон. Весь в крови, побитый. Меня парализовало. Я стою на месте и страх сковывает каждую мою клеточку.

– Ну что? Ха-ха. Посмотрим, как ты заговоришь теперь. Вот он, на кого ты меня променяла. Это все из-за тебя. Ты виновата в этом. Он станет инвалидом, клянусь.

Я понимала, что движет Тадем. Ему было больно понимать, что я больше не его ребенок. Что я вообще, больше не ребенок. Он хотел вернуть меня, но осознание, того, что он больше никогда не увидит меня рядом с ним, такой счастливой, маленькой и беззаботной приносило ему адскую боль. Я думаю, что он не знал, как повлиять на меня, поэтому начал с самого больного.

Я видела это. Я видела моего родного Русю. Его глаза были все такие же любимые, он пытался кричать “Беги”, а я не могла сдвинуться с места. Я не хотела двигаться с места. Я никуда не уйду без него. Никогда. За ним куда угодно, хоть в могилу. Чувство вины нахлестывало еще больше, он мучается из-за меня. Нет ничего хуже физической боли. Прости, прости, прости. Слезы льются из глаз. Я не могу сказать ни слова

– Молчание – знак согласия. Хочешь себе инвалидика?
Бейте

Он дал приказ, рабы повинуются. Пелена спадает после первого истошного крика Руси. Я возвращаюсь в реальность. Вокруг меня люди и они убьют его, если я тронусь с места. Я стою одна в этом кругу. Стоп. Я не одна. За моей спиной Паша. Я поворачиваюсь, смотрю, как он вцепился мне в платье

и жметя от страха. Как бы я хотела быть на его месте, но я не там. Приходит резкое осознание. Я чувствую, что теряю себя, я не владею собой. Вспоминаю про нож в куртке, который с 14 лет кладу в правый карман для случая самообороны. *Я неизменна своим привычкам.*

Треугольник. Паша, Руся, Я. Передо мной встает решающий выбор, который я, казалось бы, в обычных обстоятельствах ни за что не сделала бы. Истошные крики Руси нагнетают меня, огромные глаза моего ребенка видят во мне ангела. Но я принимаю свое решение.

А что мне остается? Я не готова возвращаться к старой жизни. К этому шлаку грязной пошлости, где господствует лишь порошковая дрянь. Опыт с “уходом из жизни” у меня уже был. Паша вырос человеком и без меня. Странно, когда ты вкладываешь в другого жизнь, а он потом растет без тебя. Но это реальность. Без меня он сможет. Так что встает другой выбор. Счастливая или больная я.

Я достаю нож и резким движением приставляю его к горлу ребенка.

– Стоп! – кричит мое прошлое. – Остановиться! Ты что творишь, дура. Ты не понимаешь, что делаешь

Это была не моя я. Другая я. Я из прошлого. Жестокая, бедственно-нравственная. Та, которую Руся пытался укоренить. Та, от которой все пытались избавиться. Эгоистичная и недостойная.

Подставляю нож к горлу самому чистому человеку, тому, кого я воспитала, кого таскала на руках, с кем сидела.

Я знала, что Паша – это единственная память обо мне для “ОНО”. Сколько бы он ни говорил о своем безразличии, он не допустит боли в сторону родного человека.

Этим мы с ним похожи.

В тот момент я не чувствовала себя виноватой. У меня было одно желание-спасти и спастись.

– Я прекрасно понимаю, что делаю! Разойдемся на равных! Я отдам тебе Пашу, ты отпустишь нас. Иначе оба лишимся самого дорогого.

Я четко понимала, какой выбор я принимаю. Крики Пашеньки “Мама не надо”. Вот, что я никогда не забуду.

– Ты никогда этого не сделаешь! Он и твой сын тоже! Ты его вырастила

Эти слова для меня по стеклу-молотком

– Я приложила старания точно так же, как и заберу их сейчас. Ты кидаешь мне вызов.

Я сдавливаю горло Паше и режу свою руку так, как будто режу ему горло. Малыш не понимает, что я делаю, но из-за страха кричит так, что любой сухарь заплакал бы. Но в тот момент я была хуже самого безжалостного. *Женщина, которой когда-то не дали любовь будет бороться за нее до конца в дальнейшем.*

Я помню, как меня недолюбили. Я помню, как от меня уходили. Я помню, каждое “я люблю тебя” и эту, жалкую, улыбку и шаблонную фразу “прости, не держи зла”, когда поворачивались ко мне спиной.

Я больше не допускала к себе такого. Я готова бороться за себя.

Руся лежит на асфальте. Я в крови. Все это казалось мне страшным сном, но где я не боялась.

– Ты сумасшедшая! Нет! Отпустите его!

Я не верю своим глазам. Опять выпадаю из реальности. Я лишилась прошлого. Без прошлого нет будущего. Но нужна ли мне такая основа для будущего? Не время размышлять об этом. Я с ребенком подхожу к Русе, убираю нож от его горла. Он бежит к “папе”. Я понимаю, что это была наша последняя встреча. Я для него враг. До сих пор не могу поверить, что я сделала это. Он забудет меня, как предавшую его женщину и может, в будущем, захочет отомстить. Я буду ждать.

Улица. Толпа. Осужденные взгляды.

И я, такая маленькая, в белом. Будто уже готовая идти под венец. Все-таки это было началом новой жизни. Люди начинают расходиться. Ни одна сука не подойдет с помощью. Псевдобандиты живут по законам “ОНО”. А я теперь враг. *Как быстро и просто можно упасть с верхушки на самое на, не так ли?*

Руся встает. Я понимаю, что мы стоим над пропастью “вечного” и “прощай”. Мы молча смотрим друг на друга. Не хочу молить прощения, но делаю это глазами. Я опять выпадаю из реальности и не понимаю правильный ли выбор я сделала? Это моя вина, что все так получилось? Я чуть не убила свое будущее? На этот раз мной овладевает не страх. Теперь, это другое чувство, еще незнакомое мне. Наверное, еще нет такого слова, чтобы назвать его. Но это явление, по-

хоже на смесь огненной любви с чистотой. Я собственноручно отстояла свое счастье. Я больше не боюсь тех, кто ползет в мою жизнь. Я знаю, что я способна на многое. Не ради кого-то, а ради самой себя. Ради своего благополучия, я заслужила любовь. Я сломаю за нее без капельки сожаления, я это проверила. Пока вся эта исповедь происходила в моей голове. Руся молча стоял. Его губы пошевелились и выдали тихое, почти бесчувственное “Почему ты мне не сказала о сообщении”.

Я была готова провалиться сквозь землю. Я не знала, что говорить, как отвечать, я не знала почему. Слишком самостоятельная нарекала я себя

-Я не знаю, Русь. Прости меня.

Без лишних слов он обнял меня, полились ненужные слезы. То, что я чувствовала не сравнится ни с чем. Он слышал меня без слов, чувствовал меня каждой клеточкой тела. Я встала на носочки, чтобы дотянуться до его губ и поцеловала. Он не поцеловал меня в ответ. Наверное, это и была точка невозврата. Внутри все сжалось.

И вот, я стою. Вся в белом. Такая маленькая, беззащитная. Пережившая явно больше, чем мне было предназначено.

-Все? – дрожа спрашиваю я

-Все.

Он от меня отказался. Я потерялась. Начинаю робко двигаться назад. Не могу смотреть в глаза, которые люблю. Он стоит и смотрит на меня, прожигает взглядом. Не понимаю, что у него внутри, какие мысли.

Он хватает меня за руку, я останавливаюсь.

-Все, теперь ты точно моя жена. Сегодня я купил это.

Он показывает мне маленькую, бархатную коробочку.

– И хотел, сделать что-то красивое, как ты мечтала, чтобы как в фильме. Но вышло, к сожалению, не совсем так.

Он встает на колени, протягивает кольцо и “Ты выйдешь за меня?”

Внутри все перевернулось. Я сделала правильный выбор. Я выбрала себя.

-Да

Мы оба плачем, оба в крови, я в белом.

-Спасибо за то, что есть

-Спасибо за то, что создал

Он улыбался мне так, как никогда. В его глазах я могла прочитать все ответы на вопросы. Мы взяли за руки и пошли домой. Уже не в его, а наш дом. Где кухня-моя. Я не верила до последнего. Пройдя через множество трудностей в своей жизни, побывав в самых конченных местах и пришла к тому, что сижу на кухне, пью кофе и смотрю на мужа. Взрослого, любимого, моего. Не жалею, что так получилось. Мне нужен был выход из прошлого. *Я пожертвовала прошлым, чтобы обрести будущее.* Наверное, так нужно делать, чтобы стать счастливой.

После этого ужаса прошло три дня. Я просыпаюсь по ночам из-за кошмаров. Мне снится Пашенька. Его “мама, не надо” до сих пор калечит меня. Но я знаю, что я сделала правильный выбор. После этого я перестала бояться. Я была готова ко всему. Переломный момент в моей жизни случился именно сейчас. Я обрела себя.

Утро, я лежу в кровати, смотрю, как Руся собирается на работу. Поцелуй. Убежал

Стою на кухне. Новой кухне. Не маминой. Здесь больше не пахнет родительским домом. Это будет родительский дом, но не для меня, где кухня-теперь моя. Вспоминаю все это с трепетом

-Эй, ты чего? Ты здесь?

Я очнулась от своих мыслей.

-Да, да здесь, прости, пожалуйста. Сейчас все расскажу

Я запнулась, думала, что же придумать, как соврать. И судьба пошла мне навстречу. Звонок в дверь. Руся. “Вернулся, родной”. Спрыгиваю со стула и бегу открывать дверь.